

Отзыв
официального оппонента на диссертацию
Ксении Андреевны Гавриловой
«Этнический активизм и локальные стратегии производства
этнической культуры в марийских деревнях Кировской области»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата исторических наук по специальности
07.00.07 – этнография, этнология, антропология

Тема диссертации К.А. Гавриловой «Этнический активизм и локальные стратегии производства этнической культуры в марийских деревнях Кировской области» с полным основанием может быть включена в круг проблем, активно изучаемых в последние десятилетия представителями разных научных дисциплин: антропологии, социологии, истории, фольклористики, социолингвистики, культурологии. Обсуждаемые в работе вопросы соотношения этнических и национальных процессов, взаимодействия различных форм групповой самоидентификации, формирования этнокультурных символов, конструирования исторического прошлого, поиска новых ценностных ориентиров, реализации актуальных стратегий воображения, осмысления и воспроизведения *традиционного* в локальных сообществах и т.д. являются болевой точкой современной этнографии/антропологии, и одновременно пространством конкуренции антропологических исследований с, прежде всего, традиционно сильными в этой сфере историческими и социологическими работами. В этом смысле можно только приветствовать появление именно антропологического исследования, посвященного рассмотрению так называемого *низового национализма* – процесса, протекающего всегда на уровне повседневного

взаимодействия и параллельного деятельности «образованных элит». Именно здесь антропология имеет сильную позицию, особенно когда она, будучи вооруженной этнографическими методами полевой работы, работает на микроуровне, фокусируя внимание на повседневных практиках и конкретных людях конкретных сообществ, что, в конечном счете, позволяет выявить локальный характер разнообразных видов этнических проектов на, так сказать, низовом уровне. И, надо признать, К.А. Гаврилова в высшей степени профессионально и максимально эффективно использовала эти дисциплинарные преференции.

Разумеется, проблема соотношения и функционирования категорий *традиционного* и *национального*, *аутентичного* и *демонстрационного*, *локального* и *этнического* и пр. по-разному видится и по-разному решается, соответственно и консенсуса относительно ее решения вряд ли стоит ожидать в обозримом будущем. В этом смысле стремление автора предложить свое видение решения этой проблемы свидетельствует об определенной смелости и уверенности в своих силах. И стоит признать, основания для чувства уверенности у автора, безусловно, есть.

Действительно, данная работа - это тот случай, когда новизна исследования и в целом прирост знания достигаются не только выбором предмета исследования – в роли такового здесь выступает функционирование категории *традиционное* в процессе распространения этнического активизма в локальных группах луговых марийцев Уржумского района, - но, главным образом, последовательным применением аналитического подхода, который берет на вооружение и в то же время существенно обогащает концепцию низового национализма. Данный подход, как, впрочем, и концепция, в основе которой лежит классический конструктивизм, предполагает наличие своего собственного методологического инструментария, что автор прекрасно осознает, успешно применяя нарративный, дискурсивный, сравнительно-антропологический и типологический методы анализа текстов и социальных ситуаций. Хочу отметить внутреннюю логику применяемых

исследовательских процедур и особенно корреспондирование последних с материалом, поставленными задачами и общей аналитической рамкой работы - черта, не так часто встречающаяся в исследованиях подобного рода.

Одной из отличительных стилистических черт рецензируемой работы является ее повышенный «рефлексивный фон». Это касается, прежде всего, того обостренного внимания, которое автор уделяет исследовательскому вокабулярию – использование каждого термина/категории проговаривается и обосновывается, и более того, дополняется применением графическо-стилистических инструментов – кавычек и курсива, правила постановки которых также специально оговариваются. Профессиональная рефлексия проявляется и в степени проблематизации тех артефактов, практик и дискурсов, которые часто выпадают из поля зрения этнографа, например, таких, как сценические костюмы фольклорных ансамблей, хроники, фотоподборки, статьи краеведов, фольклорные фестивали и т.д. Нетрудно заметить, что подобное предметное поле может быть описано через категорию *репрезентации*, но К.А. Гаврилова предлагает весьма эвристичный, хотя и дискуссионный, термин *демонстрация* и понятие *регистр демонстрации* – «для обозначения специфического модуса воспроизведения элементов этнической культуры в контексте праздников, концертов, фестивалей» (с.16).

Специально следует отметить предлагаемый автором обстоятельный, вдумчивый анализ истории изучения национализма, нации и национальных культур в отечественной и зарубежной науке: докторант не только хорошо знает литературу, особенно англоязычную, но умеет ее критически оценить, выделить как ее прорывы, так и просчеты. Так, например, Гаврилова справедливо критикует широко распространенный у конструктивистов взгляд на национализм как процесс, конструируемый исключительно «сверху», предлагая в свою очередь детальные этнографические описания социальных контекстов, в которых возникает низовой национализм.

Основная часть исследования представляет собой совокупность пяти вполне законченных аналитических очерков, посвященных рассмотрению разных контекстов проявления низового национализма в марийских деревнях: от краеведения и публичных молений до национального костюма и фольклорного фестиваля. Если говорить о вкладе данного исследования в разработку теории национализма, то придется пересказывать каждую из глав диссертационной работы. Действительно, последовательно применяемое понятие *демонстрации* позволяет автору по новому взглянуть на то, как создается и транслируется *этническое* на микроуровне, как этнанизируются «бабушкины» костюмы и восстановленные *этническими активистами* практики публичных молений, как современная городская одежда превращается в русскую, а локальное перекодируется в национальное. В основе этих процессов лежит *отстранение* от того, что считается своим, а значит, оно становится предметом рефлексии и различных атрибуций.

Эти и другие положения делают диссертационное исследование действительно новаторским, трудно припомнить антропологические работы, в которых на конкретном полевом материале так тщательно были бы прописаны траектории развития низового национализма. Вообще, хочется отметить, что работа умная и интересно читается. Поэтому и замечания, изложенные ниже, должны восприниматься как часть научной дискуссии.

Во-первых, как мне представляется проведение принципиальной для автора границы между двумя регистрами практик – в одном случае, ориентированном «на себя», а в другом, ориентированном на «чужую» аудиторию, в терминах автора - *регистром демонстрации*, достаточно проблематично. Разве, например, в так называемых традиционных ритуалах не демонстрируется, в том числе и чужой аудитории, что называется, всё и вся самыми разными способами? И с другой стороны, всегда ли демонстрация предполагает внешнего зрителя? Возможно ли демонстрировать что-либо самому себе с целью поддержания, например, идентичности? Может быть, в некоторых случаях продуктивней было бы

использовать понятие *репрезентации* в духе Поля Рикёра, который отмечал два важных аспекта понятия: “это, с одной стороны, припомнание отсутствующей вещи через вещь замещающую, представляющую первую заочно, с другой – предъявление здимого воочию присутствия, очевидность присутствующей вещи, с тенденцией скрыть от глаз операцию подмены, что поистине равнозначно замещению отсутствующего”?

Во-вторых, продолжая разговор о понятиях, может, стоило бы отказаться от термина *идентичность*, который подразумевает некую статичность, состояние, а не процесс, и использовать термины *самоидентификация*, *самоопределение*, тем более, что К.А. Гаврилова сама указывает на преимущества последних, ссылаясь, в том числе, на Р. Брубейкера.

В-третьих, полезно было бы уточнить понятие *конструирование прошлого или исторической перспективы*, к которому автор часто прибегает при анализе этнического активизма. Судя по всему, автор берет на вооружение определение Дж. Фридмана, согласно которому это «*процесс сознательного отбора и упорядочивания исторических событий, действующим лицом которых является данное сообщество, в единое повествование таким образом, чтобы воплотить идею направленности всех событий по отношению к настоящему. В результате подобных манипуляций «история жизни» (life history) сообщества-субъекта становится актом его самоидентификации*» (с.65). Сомнение вызывает утверждение об осознанности этих действий – можно привести много примеров, указывающих на неосознаваемость выстраивания, например, нарративов о прошлом деревни или автобиографии. И в целом, когда мы говорим о низовом национализме или даже об этнических активистах, то всегда ли можно приписывать им целеполагание и определять все это словом *проект*?

В-четвертых, как представляется, анализ эволюции отношения к *традиционному* помог бы разобраться в современных практиках воспроизведения его, идет ли речь о костюме, обряде или песни. Так на

протяжении почти всего XX в. *традиционное* нередко осмыслялось на низовом уровне как нечто непrestижное и некультурное. Об этом писал еще художник И. Билибин более 100 лет назад относительно русских костюмов. Но уже начиная с 1960-х гг. среди образованных элит формируются положительные коннотации понятия традиции, происходит реабилитация обряда как института, с которым уже не обязательно ассоциировались представления об отсталости и невежестве, а, например, «язычество» интерпретируется как «аутентичная», «подлинная» религия. В этом смысле, истоки анализируемых здесь практик по демонстрации *традиционного* могут уходить в 1960-е гг.

Наконец, в-пятых, возникает вопрос, насколько оправдано использование термина *этнический*, пусть даже графически выделенного, для характеристики культурных различий. Всегда ли, например, такие выражения, как «наш народ», «наша одежда», «наши корни», «наши традиции» можно расценивать как элементы этнического дискурса? Скорее, речь идет о локальной идентичности, подчеркиваются отличительные черты не как народа, а как жителей конкретного селения. Например, на стр. 138 К.А. Гаврилова пишет: «*Традиционный (национальный) костюм является ярким визуальным маркером этничности и поэтому особенно активно эксплуатируется в ситуации демонстрации – в практиках, направленных на презентацию своего сообщества вовне как сообщества марийского*». Может быть, речь здесь идет в первую очередь о маркере локальности? В другом месте (с.160) говорится о хранении в семье традиционного костюма как «*этнически маркированного приданого, знака принадлежности получателя к семье марищей и к этнической группе марищей*», но я думаю, здесь костюм хранится не потому, что он марийский, а потому что родительский и выступает как семейная реликвия. В этой связи можно задаться вопросом, останутся ли вообще «в сухом остатке» «чистые» этнические маркеры культурных практик, если убрать из них локальную, конфессиональную, языковую, темпоральную и другие черты?

Эти и другие вопросы, которые возникают при прочтении диссертационной работы, свидетельствуют о ее новаторском характере и прекрасной ориентированности ее автора в проблематике формирования и функционирования этнического активизма. Работа заставляет задуматься о размытости и условности таких научных дефиниций как *этнический*, *культурный*, *локальный*, *традиционный*, *аутентичный* и т.д., то есть, поднимает те вопросы, которые составляют саморефлексивное поле антропологии.

В заключении считаю необходимым отметить, что диссертация производит сильное впечатление своей фундированностью и превосходным стилем изложения.

Диссертация К.А. Гавриловой представляет собой полностью самостоятельное и оригинальное исследование, имеющее достоверные научные результаты. Оно содержит значительные элементы новизны и обладает существенным теоретическим и практическим значением. Обоснованность научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, не вызывает сомнений. Исследование должно учитываться при последующей разработке соответствующей научной проблематики. Отдельные наблюдения и выводы работы могут быть использованы в курсах по истории и антропологии этнических и национальных процессов, а также по локальным, этноконфессиональным и этническим группам населения, и, кроме того, при создании учебных и методических пособий, рекомендаций для образовательных и культурно-просветительских учреждений. Публикации автора вполне раскрывают основные положения работы. Автореферат достаточно полно передает содержание исследования и его выводы.

Полагаю, что, представленное в качестве кандидатской диссертации исследование на тему «Этнический активизм и локальные стратегии производства этнической культуры в мариjsких деревнях Кировской области» отвечает требованиям пп. 9-10 «Положения о порядке

присуждения ученых степеней» (в редакции Постановления Правительства РФ от 21.04.2016г. №335), предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата исторических наук, а его автор, К.А. Гаврилова, заслуживает присуждения искомой степени по специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология.

Заведующий отделом этнографии русского народа

Российского этнографического музея

кандидат исторических наук

Баранов Дмитрий Александрович

Адрес места работы:

г. Санкт-Петербург, улица Инженерная, д. 4/1,

Телефон: +7(812)570-57-68

Эл. почта: dmitry.baranov@list.ru

11.11.2016

Подпись руки Д.А. Баранова удостоверяю

/ помощник директора

